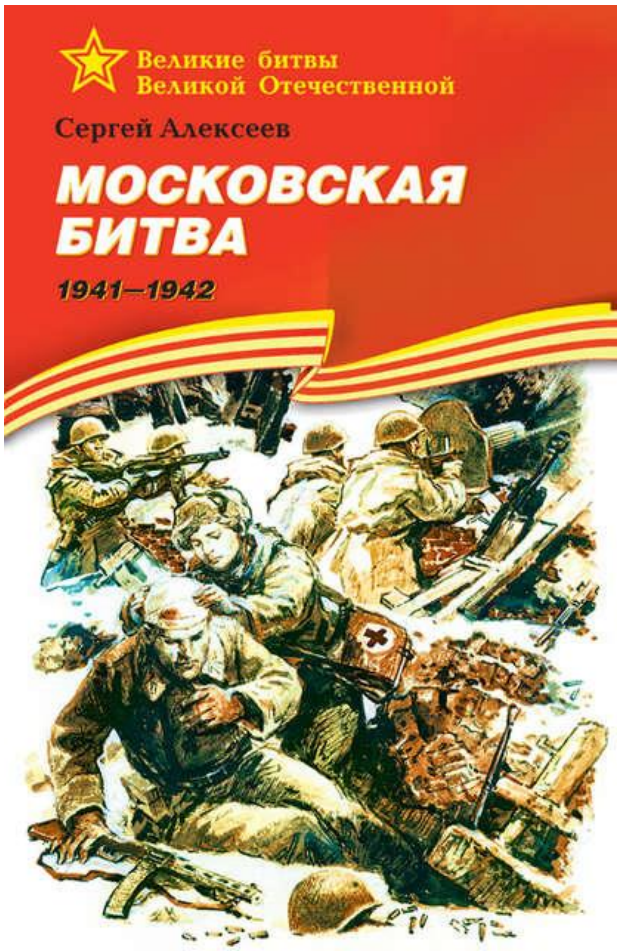
Алексеев. Рассказы о Великой Московской битве



Рассказы о битве за Москву в Великой Отечественной войне для детей

От автора

22 июня 1941 года на рассвете войска фашистской Германии вероломно напали на нашу Родину. Фашисты хотели лишить нас свободы, захватить земли и города.

Началась Великая Отечественная война народов нашей страны против фашистских поработителей.

Для нас война началась неудачно. Враги напали неожиданно. Фашисты были сильнее. Лучше вооружены. Лучше обучены. У них было больше пушек, самолетов, танков. Прежде чем напасть на нас, фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, ряд других государств Европы. Промышленность этих стран стала работать на фашистов.

Под натиском врагов наши армии отступали. Враги рассчитывали расправиться с нами быстро, стремительным ударом. Они даже придумали выражение «блицкриг», то есть молниеносная война. Но фашисты сильно просчитались. Все, как один, поднялись народы нашей страны на защиту своей Родины и свободы.

Война с фашистами длилась четыре года (1941–1945). Нелегким был путь к победе. На просторах страны гремели битвы. Наши войска остановили фашистов. За Волгой, на Урале, в Сибири советские люди построили первоклассные военные заводы, создали новое, совершенное оружие. Советские воины научились умело воевать. Военные командиры – Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и многие другие – четко и умело руководили войсками. Большинство из них стали прославленными маршалами. Советские войска сломили фашистов и погнали их с родной земли. Весной 1945 года наши армии штурмом взяли столицу фашистского государства Берлин и подняли над ним победное знамя.

Прошло 70 лет. По-прежнему мы гордимся нашей великой Победой. С благодарностью вспоминаем всех тех, кто сломил фашистов, – в боях на фронте, трудом в тылу. Низкий поклон героям!

К 70-летию Победы издательство «Детская литература» выпускает серию книг о главных битвах и героях Великой Отечественной войны с фашистами. Автор с первого дня был участником этой войны. Вот названия входящих в серию книг.

«Холм Жирковский»

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — так назвали фашисты план своего наступления. Тайфун — это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Взять советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов был план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта немецкие танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подошли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

— Форвертс! Вперёд! — прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: — Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада.

Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай! — шепчет сосед по окопу. Выжидает Унечин.

— Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет — кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату.

Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

— Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.

Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждёт.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идёт на Унечина. Кто-то опять сказал:

— «Зверь на ловца бежит».

Выждал Унечин минуту, вторую, третью...

«Бросай же, бросай!» — снова крикнуть хотел сосед. Однако губы сжал, сдержался.

Ещё минута — и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом её поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло... Тридцать минут прошло... Час продолжается бой, два — не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жир- ковский. Застряли они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — батюшки светы! — всё поле в подбитых танках, земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

— Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

— Конечно же Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

«Сила»

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орёл. С севера движутся к Калинину (ныне г. Тверь). Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь, на Угре, под Юхновом, обороняли солдаты мост. Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

— Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу — и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулемётный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И всё же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

— Где же помощь? — тревожиться стал Гаркуша. — Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

— Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты миномётный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

— А ну, подходи! А ну, подходи! — это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши, как пулемёт, стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударила по нашему берегу фашистская артиллерия. Всковырнули, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдаётся упрямый мост. Не пропускают солдаты вперёд фашистов.

Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперёд!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад — посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Всё те же кругом бойцы — друзья по геройской роте.

— Где же сила? Была же сила! — смотрит солдат на соседа. — Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чём, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянётся солдат — была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперёд фашистов.

«Мценск»

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперёд фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперёд машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С ходу ворвались фашисты в Орёл. Мчатся дальше, спешат на Тулу. Между Орлом и Тулой — Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки.

Утро.

Встал Гейнц Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнц Гудериан генерал заслуженный. В особом почёте среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнц Гудериан ».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнц» — называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

— Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске... — стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

— Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле, — сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

— Послезавтра мы будем в Туле. Ещё день, ещё два...

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

— Ещё день, ещё два...

И вот уже видит Москву Гудериан.

— Москва, Москва... — стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

— Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнц Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

— Русские танки! — кричит адъютант.

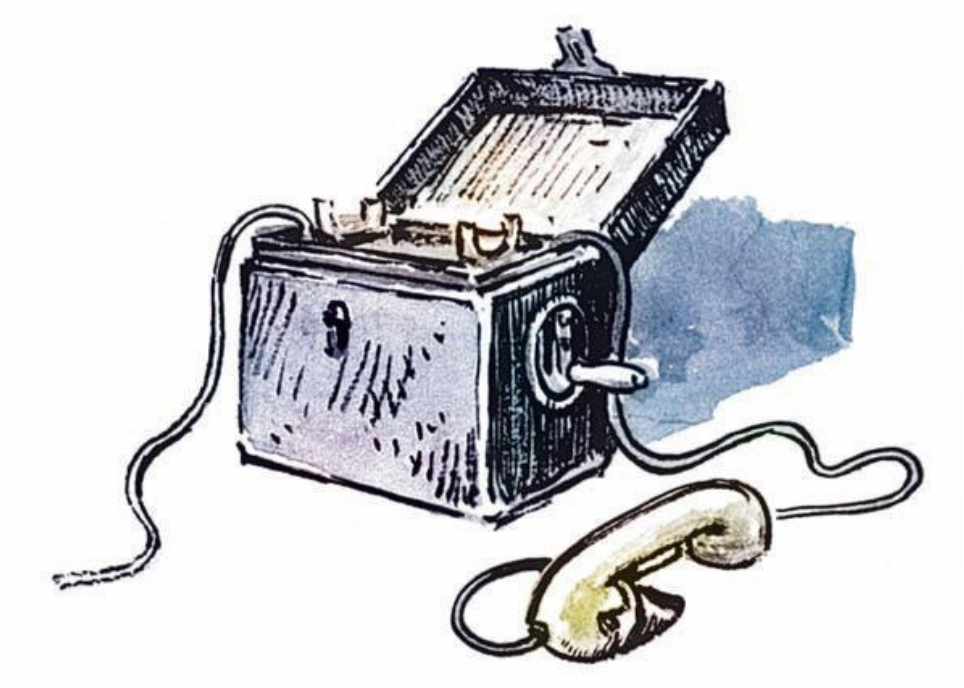
Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако силён удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт — там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была создана. Изучает комиссия — как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков?

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поётся ему. Нет желания. Нет настроения.

«Вязьма»



Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты. Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

— Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... — Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, — пытается что-то сказать тот, смелый. — Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал…

Слушает Гитлер:

— Ну, ну, так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

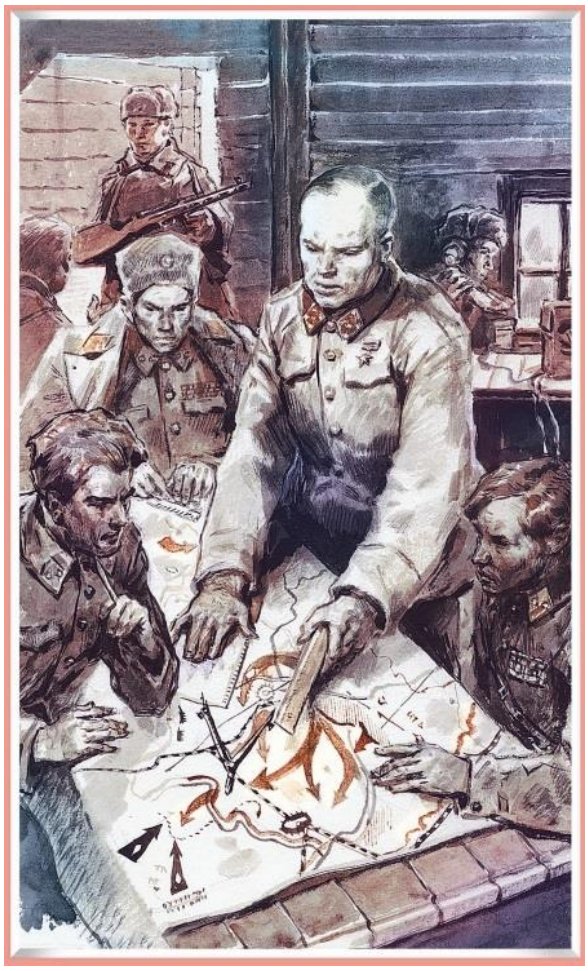
Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!



«Генерал Жуков»

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, — и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

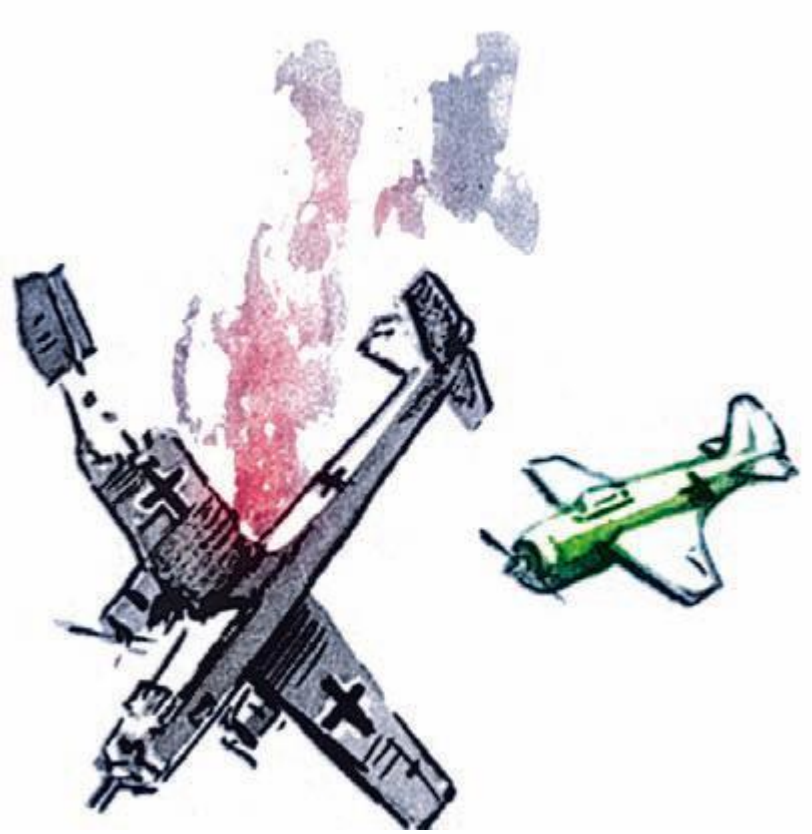
Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы — обстановку знаете, — похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб, поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в великой Московской битве.

Московское небо



Было это еще до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается – что бы сделать такое необычное, оригинальное. Думал, думал…

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и все живое.

– Сразу погибнет все: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

– Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода…»

– Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

– Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

– Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей!

Выбросил руку вперед, как шпагу:

– Уничтожить! Сровнять с землей!

– Так точно, сровнять с землей. – Замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву.

Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Все ближе Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвездные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроились ряды врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошеный гость. 22 самолета сбито.

– Н-да-а… – протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

– Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами – по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвездные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Неглупыми, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая – чуть выше. А третья – и на большой высоте, и чуть с опозданием. «Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, – рассуждают генералы, – а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели».

И вот снова в небе фашистские самолеты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идет группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, – третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет напоказ генералам.

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как прежде. Хорошеет от года к году.

Талалихин

Защищая Москву от воздушных налетов, совершил свой прославленный подвиг летчик-комсомолец младший лейтенант Виктор Талалихин.

Подмосковная ночь. Тихая. Лунная. Мирно плывут облака. Бежит луна от облака к облаку. Вот застеснялась. Спряталась. Вновь показалась.

Ночь. Тишина. И вдруг заухали, взвыли зенитки. Прожекторы как пики кольнули небо. В воздухе был противник.

Наблюдатели обнаружили приближающийся к Москве фашистский бомбардировщик. Младший лейтенант Талалихин получил приказ уничтожить врага. Через две минуты летчик был в воздухе.

Быстро ползет стрелка прибора, показывающего высоту. Триста метров… пятьсот… тысяча. Все выше и выше ползет стрелка. Для летчика-истребителя важен запас высоты. Сверху и атаковать неприятеля лучше, сверху все виднее. Две тысячи метров, три. Всматривается Талалихин в черное небо. Нет, не видно нигде врага. Еще выше идет самолет. Четыре тысячи метров. Четыре с половиной. Вновь осмотрелся кругом Талалихин. Все так же по небу бежит луна. Все так же темно за бортом.

И вдруг слева, чуть впереди, увидел Талалихин какой-то отблеск. Всмотрелся – опять блеснуло. Лунным светом мигнул металл. Все ясно. Враг рядом. Враг найден. Вот уже виден и весь самолет врага.

– Не уйдешь! – прокричал Талалихин. Схватил фашиста в прицел. Нажал на гатттетку. Точно стрелял Талалихин.

Первая же очередь догнала фашиста. Тронули пули правый мотор врага. Пламя мотор схватило. Ранен фашист, но не сбит. Наклоняет самолет на крыло, старается воздухом сбить огонь. Вот-вот и вовсе огонь собьет. Прибавил машине скорость. Бросает машину то влево, то вправо. Пытается оторваться, уйти от советского летчика.

Опытный ас попался. Несколько заходов сделал уже Талалихин. Никак не добьет врага. Уходит противник.

Вновь для атаки зашел Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулеметы. Расстрелял все патроны летчик.

Уходит противник. И тут…

Не раз уже советские летчики таранили, то есть винтом или корпусом своего самолета сбивали самолеты врага. Еще в первые дни войны совершили таран младшие лейтенанты Петр Харитонов, Степан Здоровцев, Михаил Жуков. Да и здесь, под Москвой, тоже свои герои: капитан Алексей Катрич, младший лейтенант Борис Пирожков и другие. Однако все это были тараны дневные. Ночью Талалихин таранил первым.

Подвел он машину к хвосту фашистского самолета. Только прицелил к удару, как вдруг блеснул огонь из фашистского самолета. Лучами метнулись пули. Обожгли они руку советскому летчику.

Сжал Талалихин от нахлынувшей боли зубы. Однако штурвал из рук не выпустил. Снова зашел в хвост фашистского бомбардировщика. Нажал на рычаги. Дал полный газ. И со всей силой врезался в самолет противника. Вспыхнул бомбардировщик, как факел. Рухнул, завертелся, понесся вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолет Талалихина. Пришлось летчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился вниз.

За свой подвиг – за первый воздушный ночной таран – младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза.

Арифметика

Продолжают рваться к Москве фашисты. Гудериан на Москву наступает с юга. С запада движется Гепнер. Гепнер тоже танковый генерал. Сотни танков в полках у Гепнера. Прорвали фашистские танки советский фронт.

Прорван фронт, но знает Гепнер, что это еще не все. Там, впереди, еще главные русские силы. Мечтает Гепнер разбить эти силы.

– Вперед, к победе!

Наступают танки, и вдруг задержка. «Вот они, главные силы, – решает Гепнер. – Вот он, главный, последний бой». Закипело сражение. Кончилась схватка.

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

– Наши потери?

– Двенадцать танков.

– С кем же сражались?

– Стрелковый батальон.

– Н-да-а… – протянул недовольно Гепнер.

Движутся вперед фашисты. Сокрушают танки округу гулом. Прошли немного. Опять остановка. Закипело сражение. Кончился бой.

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

– Наши потери?

– Шестнадцать танков.

– С кем же сражались?

– Сводный отряд курсантов.

Нахмурился Гепнер. Жилка под глазом дернулась.

Тронулись танки дальше. Моторы ревут, как звери. Прошли немного. Опять преграда. В новом бою фашисты. Закончилась схватка. Снова Гепнер спешит с вопросом:

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

Сплюнул с досады Гепнер.

– Наши потери?

– Семнадцать танков.

– С кем же сражались?

– Саперная рота.

Наморщился Гепнер. Гримаса лицо схватила.

Движутся, движутся вперед фашисты. Там остановка, и здесь задержка. Там задержка, и здесь остановка. Бой переходит в бой. Схватку сменяет схватка.

Считает Гепнер потери: двенадцать танков, шестнадцать танков, семнадцать танков, опять двенадцать, пятнадцать, двадцать, четыре, десять, опять пятнадцать…

Считает, сколько прошли километров, – двадцать, пятнадцать, двенадцать, пять, стояли, опять стояли, девять, семнадцать, четыре, три, стояли, стояли, опять стояли.

Считает, сколько пройти осталось…

Уткнулся Гепнер, как школьник, в цифры. Слагает, вычитает. Делит. Множит. Опять слагает. Сидит, как бухгалтер, как счетовод. Смотрит на цифры. Смотрит на карту. Снова на карту. Опять на цифры.

Огромны потери в войсках у Гепнера. Как ни крути, как ни верти, как ни считай, ни складывай, но если так дальше пойдет, останется Гепнер вскоре совсем без танков. Придется дальше шагать пешком.

Сокрушают фашистов советские воины. Наносят удары по хваленой фашистской технике.

Считают фашисты потери. Печальная арифметика.

«Тульские пряники»

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с нашей армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошел к готовым минам. Наклейки на мины – шлеп, шлеп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

– Вот так фашистам сладость!

– Фрицам хорош гостинец!

Ушли мины на передовую к защитникам города.

Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник».

Смеются солдаты:

– Ай да сюрприз фашистам!

– Ай да гостинец фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Все, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны, минометы и мины, – стали называть они «тульскими пряниками».

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

«Красная площадь»

1941 год. 7 Ноября. Москва. Красная площадь.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

— Парад! — объясняет ему командир. — Торжественный, на Красной площади.

— Так точно, парад, — отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители страны на ленинском Мавзолее. Всё точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лёг на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлёвской башне. Отбили куранты время.

Минута. Всё стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравил войска. Опять всё стихло. Ещё минута. И вот вначале тихо, а затем всё громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжёлые времена. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — летят сквозь мороз слова. — Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьёзнее, строже.

— Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. — И вслед за этим Сталин сказал: — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И всё это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением.

И всё это, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, — ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шёл рядовой Митрохин. А рядом шагала песня:

Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна, —

Идёт война народная,

Священная война!

«Подвиг у Дубосекова»

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили своё наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришёлся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было двадцать восемь. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков!.. Так это, выходит, меньше чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, разбойник!

— Эка же, хвост поджал!

Передохнули солдаты. Видят — снова идёт лавина. Сосчитали — 30 фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

— Друзья, — произнёс Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты.

— Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

ЗНАЙ НАШИХ!?

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки. Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их — сотни,

а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт. Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

— Э-эх, картечью бы в это месиво.

— Верно — картечью, — подтверждает второй.

— Да, картечью бы в самый раз, — соглашается кто-то третий. Размечтались солдаты.

— Эх бы пушку сюда, — произнёс один.

Второй добавляет: — А к ней — снаряды.

— И смелых ребят к орудию, — включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка. Протёрли глаза солдаты — считай, мерещится. Нет! Всё настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке. Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам — на полном карьере — слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрала. Пока разбирались — упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

— Ну, знай наших! — прокричал офицер. — Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

— Знай наших! Знай наших! — кричал офицер.

— Огонь! Огонь! Третий выстрел. Четвёртый. Поднял снежные вихри пятый.

— Знай наших! Знай наших! Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулемётным огнём солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из вида. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты. Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты. «Знай наших!» — вот и всё, что на память об отважных бойцах осталось.

ОРЛОВИЧ-ВОРОНОВИЧ

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперёд фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кулчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбивают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжёлого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О лётчиках речь, о танкистах — вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не лётчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идёт Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилёг Воронович на землю. Зорче ещё всмотрелся. Видит — у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат — привал у врагов. И верно — достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилось сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд — там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Вперёд!» Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты.

— Один — и четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! — смеялись солдаты. Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

ЛОПАТА

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет. Москва готовилась к схватке с врагом. Вокруг города возводились оборонительные рубежи. Рылись окопы. Создавались баррикады, завалы, возводились проволочные заграждения, устанавливались «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты…

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идёт, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересек оголённое поле. Ушёл за ближайший лес. Это противотанковый ров. Много их у границ Москвы. И этот. И чуть правее. И чуть левее. И дальше — за лесом. И дальше — за полем. И дальше, и дальше — перекрывшие горизонт.

Костя Незлобин — студент-текстильщик. В землеройной студент бригаде. Просится Костя в армию:

— Я в роту хочу. Я — в снайперы.

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землекопах теперь Незлобин. Вместе с другими копает ров. Девушки рядом, подростки, женщины. Старшим — старик Ордынцев.

— Объясняет Костя:

— Не взяли в снайперы.

— Тут тоже. Незлобин, фронт, — отвечает Ордынцев.

— Подумаешь, фронт, — усмехнулся Костя, — канава, ров.

— Не ров, а военный объект, — поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе низко, совсем над землёй, над людьми, над окопом пронёсся фашистский лётчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

— Ложись! — закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день приходили сюда фашисты.

— Ну, чем же тебе не фронт, — посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли отрядники. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах.

Только стал засыпать Незлобин, вдруг голос:

— Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобин. Момент — на улице. Узнал, в чём дело. Оказалось, с воздуха сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони — наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату — вперёд, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь Ордынцев. Вдруг с неба — солдат фашистский. Повис на стропах. И прямо в группу.

Не ожидали девчата «гостя».

— Ай, ай! — с испуга.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобин секиру-заступ. Фашиста в спину.

— А-а-а! — взревел десантник. Осел и рухнул. Лежит, раскинул руки.

Расцеловали Костю друзья-девчата.

— Снайпер, ну, право, снайпер, — сказал Ордынцев.

Отбили люди десант фашистов. Вернулись в избы, ко сну, к покою. А утром снова трубит побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

«Врага не пустим!»

«Врага осилим!»

И взмах лопаты, как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет

«Три приятеля с Волхонки»

Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки.

В дни обороны Москвы население города не только уходило в ряды ополченцев, не только помогало в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стали к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра — брата, старики — сыновей, подростки — своих отцов.

Круглые сутки, в три смены, работали московские заводы. Всё, что необходимо фронту, выпускали тогда заводы: гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые «ежи», железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много- много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и работали трое друзей.

Вот идут они с работы. Вот встречают их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трёх друзей. Вот кричат привет мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, улыбнулись:

— Нас не трое — нас четыре.

Сказали и пошли себе дальше.

Стоят мальчишки, смотрят подросткам вслед, поражаются:

— Где четыре? Как четыре?! Где четыре, если три!

Верно — трое идут ребят. Три спины. Три головы. Четвёртой нигде не видно.

Через несколько дней снова мальчишки увидели трёх друзей. Озорно кричат мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, опять улыбнулись:

— Нас не трое — целых шесть!

Сказали и пошли себе дальше.

Опешили вовсе теперь мальчишки, смотрят подросткам вслед, плечами худыми водят:

— Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?

Снова прошло несколько дней. Вновь идут они с работы — три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька — Гошка, Витька и Алёшка. Вновь мальчишки на Волхонке отдают друзьям салют:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились опять подростки, посмотрели на мальчишек и вдруг сказали (у мальчишек даже глаза вразлёт):

— Нас не трое — девять нас!

Ухмыльнулись мальчишки, на лицах улыбки глупые — как же понять?

Не мучили долго ребята мальчишек. Достали подростки свои рабочие книжки. Показали. В книжках нормы, в книжках цифры, сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот ещё графа — процент. Смотрят мальчишки: сто... сто тридцать... двести... триста.

— О-го-го! — зашумели мальчишки.

Пропали с лиц у мальчишек улыбки глупые. Ясность теперь на лицах. Понятно любому и каждому: триста процентов, значит, работа здесь за троих. Смотрят мальчишки на трёх друзей:

— Девять их, конечно, девять! Математика проста!

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки.

«Зоя»

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петрйщево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии, подполковник Рюдерер:

— Кто вы?

— Не скажу.

— Это вы подожгли дома?

— Да, я.

— Ваши цели?

— Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал её на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», — отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, её несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босой ходить по снегу.

И снова:

— Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни, на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занёс руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился — нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

— Товарищи! Не бойтесь, — прозвучал голос Зои. — Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

— Мне не страшно умирать, товарищи, — говорила Зоя. — Это счастье — умереть за свой народ. — И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: — Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!

Комендант дёрнулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

ОТДЕЛЬНЫЙ ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжёлые бои идут у посёлка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты.

Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи.

Все резервы давно в бою. Всё тяжелее дела под Крюковом. Снова звонят командиры начальникам.

— Хорошо, — говорят начальники. — Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицертанкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошёл танкист к командиру полка, руку к шлему поднёс, представился:

— Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен — нет сил — командир полка. Мало того, что доволен счастлив. Обнял офицера:

— Спасибо, браток, спасибо. — И сразу конкретно к делу: — Сколько в батальоне танков?

— Одна машина, — отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

— Сколько-сколько? — не верит своим ушам командир полка. — Одна машина, — повторяет танкист.

— Одна осталась… Танк типа «Т-37». Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые… Вся радость с лица у командира полка — словно кто-то огромный дунул секундой слетела. Танк «Т-37» — самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемёт — вот и всё вооружение. Броня толщиной с мизинец.

— Жду боевую задачу, — сказал танкист.

«Катись к чёрту — вот и вся боевая задача», — хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

— Направляйтесь в распоряжение первого батальона, — сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит бронёй пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идёт к солдату — прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперёд фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой ещё четыре. Теперь уж не только первому батальону — всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист — молодой, возбуждённый, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошёл к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

— Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

АЭРОСТАТЧИК

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебёдка. Стальной трос, как нитка, ползёт по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Всё ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают верёвки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетащат аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдёт за людьми махина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвётся и рвётся с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дёрнуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воздухе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебёдка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье

— Бросай фалы!

— Бросай фалы! — кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чём дело. А когда разобрался — поздно. Земля далеко внизу. Всё выше и выше аэростат.

Держит солдат верёвку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться! Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный вниз.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами верёвку. Легче теперь держаться. Дух перевёл, передохнул. Петлю ногами на верёвке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в неё уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орёл, над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несёт его в сторону фронта. Вот и район боёв, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном шаре.

Несёт ветер солдата всё дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнём на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет махина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное — вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл.

Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в своё время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхаузен.

Всё хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полёт поверил. Только Велигура начнёт рассказывать, сразу друзья кричат:

— Ну, ну, ври, загибай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несётся:

— Барон Мюнхаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

ПУШКА

Был один из самых тяжёлых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы, на Рогачёвском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Пали селения Белый Раст, Озерецкое, Мышецкое, рабочий посёлок Красная Поляна. Враги подошли к станции Лобня, к Савёловской железной дороге.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это — расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнобойную пушку. Стали её устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

— Мы первыми из всех по Москве ударим!

— Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда — рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

— Шнель, шнель! — покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванёт команду. Вот она, радость боя!

— Шнель, шнель! — покрикивает офицер.

Возятся солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне, ближе.

Переглянулись солдаты:

— Ближе!

— Ближе!!

Вот и несётся уже «Ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили её солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

— Вот бы сейчас — по Гитлеру!

— Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришёл приказ пушку отправить в тыл. И всё же задержались чуть-чуть солдаты. Подождёт пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понёс.

Проходят наши роты мимо фашистской пушки. Видят солдаты гигант трофей:

— Ух ты, мама!

— Неужто взяли?

— Взяли, родные, взяли!

Смотрят солдаты опять на пушку:

— Ну, если такую фашисты бросили, значит, примета добрая. Всё больше у наших упорства, силы.

Всё слабее напор врагов. И снова солдаты:

— Выдыхается, знать, фашист.

Понимают бойцы — быть повороту, быть переменам. Сердцем солдатским чувствуют.

«Ударная»

Харлов Иван служил пулеметчиком в 1-й Ударной армии.

28 ноября 1941 года танковым ударом фашисты обрушились на город Яхрому. Яхрома стоит от Москвы точно на север, на берегу канала Москва—Волга. Ворвались фашисты в город, вышли к каналу. Захватили мост через канал, переправились на восточный его берег.

Танковые соединения врага обходили Москву с севера. Положение было тяжёлым, почти критическим.

1-я Ударная армия получила приказ остановить врага.

Втянулась Ударная в бой. Вместе с другими в бою и Харлов. Опытен он в сражении. В наступление шла стрелковая рота. Припал Харлов к пулемёту. Защищает огнём своего пулемёта советских стрелков. Действует по-харловски. Не торопится. Зря в поле пуль не пускает. Бережёт патроны. Бьёт точно по цели. Стреляет очередями короткими. Чувствует Харлов себя ответственным за жизнь пехотинцев. Словно каждая лишняя смерть на его счету.

Хорошо бойцам под такой защитой.

И вдруг осколком фашистской мины искорёжило у Харлова ствол пулемёта.

Оборвался, заглох огонь.

А противник снова идёт в атаку. Смотрит Харлов — воспользовались фашисты, что стих его пулемёт, выдвинули вперёд пушку. Вот-вот и ударит пушка по нашей роте. Сжались в кулаки от обиды у Харлова руки. Потом он постоял и вдруг припал к земле, прижался и как-то по- крабьи, боком, забирая чуть-чуть в обход, пополз по направлению к неприятельской пушке.

Увидели солдаты, замерли.

«Батюшки, верная смерть!»

Впились солдаты глазами в Харлова. Вот ближе к пушке Харлов, вот ближе. Вот и рядом совсем. Поднялся в рост. Размахнулся. Бросил гранату. Уничтожил фашистский расчёт.

Не сдержались солдаты:

— Ура Харлову!

— Ну, Иван Андреич, теперь беги!

Только прокричали, видят: вышли из-за бугра фашистские танки и идут прямо на Харлова.

— Беги! — снова кричат солдаты.

Однако мешкает что-то Харлов. Не отбегает. Всмотрелись солдаты внимательнее.

— Гляньте, гляньте! — кричит один.

Видят солдаты — разворачивает Харлов фашистскую пушку навстречу танкам. Развернул. Пригнулся. Припал к прицелу.

Выстрел. Загорелся фашистский танк. Два танка подбил герой. Остальные свернули в сторону.

До самого вечера длился бой. Отбросила Ударная армия фашистов вновь за канал. Восстановила здесь положение.

Довольны солдаты:

— А как же иначе! На то и Ударная!

— Как же иначе, раз такие, как Харлов, есть.

«Напишу из Москвы»

Не удаётся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

— Брать её штурмом, брать её в лоб! — отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! — строчит Наймган. — Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовёт начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с кратчайшего Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперёд.

Торжествуют фашистские генералы:

— Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрей в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать... У деревень Бурцево и Юшково — стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и всё же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

— Ничего, ничего — отдохнём, поднажмём, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Наша армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Наша армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты своё наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

«Переломилось»

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает наша армия. Рванулись войска вперёд. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Кузнецова, Голикова, танкисты Лелюшенко, Катукова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и артиллерийские дивизионы.

Успешно идёт наступление. Много отважных солдат из разных сёл, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение — сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сём.

— Как настроение?

— Боевое, товарищ командующий!

— Как доехали?

— Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

— Готовы идти в наступление?

— Готовы, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядрёный сибирский народ, смекалистый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Пошли разговоры о том о сём. Как настроение? Как доехали? Как вас тут встретили? И наконец:

— Готовы идти в наступление?

— Хоть сию минуту, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Поехал Жуков в полки к москвичам.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сём. О Москве, о войне, о московской хватке. Закалённый народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

— Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?

— Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казахами и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков.

Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага.

Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», — рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

«Казаки»

Одной из казачьих дивизий (кубанской) командовал генерал-майор Исса Александрович Плиев.

Огневой, задорный народ кубанцы. Собрались в дивизии казаки из станиц Советской и Вознесенской, Отрадной, Попутной, Лабинской, Кавказской и многих других.

Хороши под кубанцами кони. Хороши у кубанцев песни. Шашки в бою как молнии.

Во многих боях рубились кубанцы. Особенно памятен бой у деревни Горбово.

Наступали тогда казаки, гнали врага на запад.

Захватили конники Горбово, но тут на помощь своим подошли фашисты. Дивизия приняла встречный бой.

Плиев решил ударить во фланг противнику. Однако идти в атаку нужно было открытым местом. Прямо от села начиналось большое поле.

Ветер бежит по полю. Гонит с бугра снежинки. Смотрит на поле Плиев. Хорошо, конечно, ударить во фланг, однако сколько людей погибнет здесь на открытом месте.

Задумался генерал. Вдруг слышит:

— Товарищ комдив!

Поднял Плиев голову. Видит — стоит перед ним казак. Казак настоящий — с усами, в кубанке. Уже в годах.

— Откуда, служивый?

— Из станицы Попутной.

— Слушаю вас, товарищ.

— Товарищ комдив, дозвольте совет.

— Совет так совет, — улыбается Плиев.

Подошёл казак к генералу, стал что-то шептать на ухо.

Слушает Плиев:

— Так, так.

Руками что-то казак показывает.

Улыбается Плиев:

— Так, так. — Совсем оживился Плиев: — С удальством, по-казачьи, значит?

— Так точно, по-дедовски, товарищ комдив. Дал Плиев команду идти в атаку.

Построились казаки на улицах Горбово. С места взяли в карьер, в галоп. Донеслись до околицы. Вот и открытое поле. Помчались кони вперёд на врага.

Но тут встретили фашисты конников залпами. Вот неудача! Повалились из сёдел всадники. Повисли на стременах. Разгорячённые кони вперёд несутся.

Довольны фашисты — отбили атаку. Несутся по полю кони, тащат тела казаков. «Ага, и лошади будут наши», — рады фашисты двойному везению. Кони и правда несутся к ним. Вот-вот и хватай скакунов за уздечки.

И вдруг... что такое?! Не верят фашисты своим глазам. Видят и всё же не верят. Остановились вдруг кони в беге. Ожили, как в сказке, убитые всадники. Поднялись на стременах. Приложили к плечам автоматы. Огнём, как косой, по фашистским рядам прошли.

Увенчалась успехом казацкая хитрость. Откатились назад фашисты. Взяли в галоп эскадроны. Острой казацкой шашкой довершили лихое дело.

Горд Исса Александрович Плиев:

— Джигитовка! Высший казацкий класс.

«Активный отдых»

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боёв, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатью.

Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули:

— Тревога! Тревога!

Гремит:

— Подъём!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки — на плечи, винтовки — в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская.

Вступили солдаты в бой. Окружили, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошлись по улице. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война огнём. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, на норы.

Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в брёвна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замёрзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лёд, на сваи:

— А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошёл, как снова доски легли над Гжатью, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят — на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряден взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

— Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренгу рота.

— Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взвилась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию. Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

— Прибыла с отдыха рота.

— Как отдыхалось?

— Полный во всём порядок.

— А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

— Благодарю. Ну что ж, активный, выходит, отдых.

«Какой род войск сражается?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперёд.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любуется.

— Молодцы, молодцы! — приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

— Какой род войск сражается?

В это время с криком «ура!» как раз устремилась вперёд пехота.

— Пехота, — ответили офицеры, — товарищ командующий. Пехота — матушка полей.

— Верно, верно, пехота, — соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

— Так какой же род войск дерётся?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушкари. Нет фашистам от них пощады. А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землёй фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждёт, что ответят ему.

— Артиллерия, товарищ командующий! — сказали офицеры. — Артиллерия — бог войны.

— Верно, верно, артиллерия, — соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

— Эх, молодцы, эх, молодцы! — И снова к офицерам с тем же вопросом: — Так какой же род войск дерётся?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры — ждёт генерал ответа.

Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперёд.

— Танки, товарищ командующий! Танки! — ответили офицеры.

— Верно, танки, — соглашается Жуков. — Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

— Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперёд с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолёты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

— Ну, ну? — ожидает ответа Жуков.

— Авиация, — кто-то сказал несмело. — Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

— Верно, — соглашается Жуков. — Слава советским соколам. — Наклонился к своим офицерам и тихо: — Так какой же род войск дерётся?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить.

Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

— Непобедимый, — сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населённых пунктов освободили советские войска в боях под Москвой. Разгромили 38 фашистских дивизий.

Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила — наши солдаты. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

— Так какой же род войск сражается? — переспросил командующий у офицеров.

— Непобедимый! — ответили дружно ему офицеры.